А.В. Ломанов

ИДВ РАН

Три новогодние мечты Ху Ши (1933, 1935, 1937 гг.)

Обсуждение темы «китайской мечты» обрело в Китае широчайший размах после смены руководства страны в 2012 г. В одном из первых выступлений новый партийный лидер Си Цзиньпин заявил, что «осуществление великого возрождения китайской нации — это величайшая мечта китайской нации, начиная с нового времени». В 2013 г. «китайская мечта» заняла ключевое место в идейно-воспитательной работе и системе политического образования КНР.

Официальная трактовка «китайской мечты» обращена в будущее, она нацелена на выполнение поставленных властями целей развития страны. Вместе с тем связь «мечты» с поисками путей развития Китая после Опиумной войны 1840 г. стала стимулом для взгляда в прошлое. Многие китайские авторы попытались выявить и рассмотреть «мечты» влиятельных общественных деятелей второй половины XIX — первой половины XX вв. В центре внимания оказались идеи реформаторов и революционеров, большое внимание было уделено взглядам интеллектуалов.

На этом фоне в Интернете появилась публикация Чжи Сяоминя «Китайская мечта Ху Ши» [7], в которой были перечислены три текста знаменитого мыслителя периода 1930-х годов, близко соприкасающиеся с темой «мечты». Чжи Сяоминь характеризует себя как «публичный интеллектуал и независимый мыслитель, занимающийся исследованием современной китайской интеллигенции». В 2010 г. он издал книгу, реконструирующую круг общения Ху Ши, состоявший из «либеральных публичных интеллектуалов» [8].

Первый текст – это неопубликованный ответ Ху Ши на вопросы редакции журнала Дунфан цзачжи для тематического выпуска «Новогодние мечты», увидевшего свет в январе 1933 г. Редакция предложила

© Ломанов А.В., 2014

известным представителям интеллектуальных кругов рассказать о том, как они видят будущее Китая и своё личное будущее.

Отвечая на вопрос о будущем страны, Ху Ши попытался представить день национального праздника «двух десяток» в 57-ой год Китайской республики (1968 г. по западному календарю). 80-летний президент Вэн Вэньхао проводил бы в этот день торжественную церемонию в честь двадцатилетия своего вступления в должность. В качестве его старого друга Ху Ши принял бы участие в пышных торжествах, и заодно выслушал бы речь Вэн Вэньхао «Взгляд на прошедшие двадцать лет». «Старик рассказал бы об истории преобразования Китайской республики, в которой можно выделить два этапа. Первый этап — это "этап объединения", его самые важные события: (1) Всекитайская ассоциация военных рассылает циркуляр об отказе от политической власти (37-ой год Китайской республики); (2) Создание сената, включение...» [5, с. 379].

Текст обрывается на полуслове, но его содержание способно вызвать изумление. Первое событие, которое привиделось Ху Ши в «новогодних мечтаниях», хронологически совпало с реальным вступлением в силу в конце 1947 г. конституции Китайской республики. По сути это был законодательно закреплённый отказ военных от политической власти. Несложно вычислить, что в этом сценарии будущего Вэн Вэньхао становится президентом в 1948 г. Ху Ши прозорливо разглядел в учёном-геологе талантливого администратора, способного встать у руля государства. Мечта удивительно точно совпала с исторической хронологией – Вэн стал главой Исполнительного юаня в мае 1948 г. Однако в условиях жесточайшего внутриполитического кризиса его пребывание у власти на посту премьера завершилось в ноябре того же года [1]. Вэн Вэньхао (1889–1971) встретил своё 80-летие на материке в забвении в годы «культурной революции». Ху Ши до привидевшегося ему в мечтах октября 1968 г. не дожил. Он скоропостижно скончался в Тайбэе 24 февраля 1962 г. после банкета в честь избрания новых членов возглавляемой им Академии наук.

Ответ Ху Ши на второй вопрос о личной мечте был более подробным и связным. Он заявил, что хотел бы оказаться в «идеальной тюрьме» сроком на 10–15 лет, что позволило бы ему выполнить за это время всю научную работу, которую он мог бы сделать. «Там бы мне не позволяли принимать гостей, видеть родственников, с ними можно было бы встречаться только по воскресеньям. Однако мне было бы позволено читать книги, брать книги в любой библиотеке, приносить книги из моего собственного собрания. Я мог бы иметь письменные принадлежности, каждый день по восемь часов заниматься

чтением и сочинением. Каждый день надзиратель контролировал бы, чтобы я час занимался физкультурой или два часа физическим трудом вне помещения — мотыжил землю, убирал в саду, сажал цветы, таскал воду» [6, с. 575, 576; 5, с. 379, 380].

На страницах журнала Дунфан цзачжи этот ответ не появился. Текст увидел свет в качестве приложения к изданной в 1980 г. в Пекине «Избранной переписке Ху Ши» с примечанием: «Это написанные Ху Ши ответы на вопросы, "первый ответ" не был завершён, Дунфан цзачжи также их не опубликовал» [6, с. 575]. Данное примечание позднее было воспроизведено в «Избранных произведениях Ху Ши» [5, с. 379] вместе с взятым из «Избранной переписки» текстом ответов. Возможно, попытка изложить свои «мечты» показалась мыслителю безуспешной, и он не стал отправлять текст в журнал. Ответ на второй вопрос выглядит не слишком удачным. Многие представители революционно настроенной интеллигенции в то время находились в настоящих тюрьмах, а мечта Ху Ши о напоминающей санаторий «идеальной тюрьме» для научного творчества не обладала достаточной иронией и критическим подтекстом.

Ху Ши поведал общественности о своих мечтаниях через два года. Его статья «Новогодняя мечта» (新年的梦想) была опубликована в газете Дагунбао 6 января 1935 г. Заметим, что её название повторяет название тематического выпуска Дунфан цзачжи, ответы для которого он готовил в конце 1932 г. Однако по стилю и содержанию небольшой газетный очерк отличается от формата Дунфан цзачжи. Главное отличие в том, что Ху Ши не стал раскрывать свои личные мечты, он также не стал заглядывать в отдалённое будущее, сосредоточив внимание на текущих проблемах Китая.

Ху Ши начал с рассказа о том, что перед наступлением нового года два дня ехал на поезде — это была возможность свободно размышлять обо всём при минимуме общения с людьми, настоящее наслаждение для занятого человека. Среди беспорядка мыслей он искал ответ на вопрос: «Каких дел мы ожидаем от нашей страны в наступающем году?»

Он вспомнил о том, как в конце октября 1934 г. во время другой поездки по железной дороге встретил в поезде посланника Лиги наций по вопросам здравоохранения Андрия Штампара (Andrija Štampar, 1888—1958) — «великого человека из Югославии». Врач из Хорватии был известным международным активистом, он стоял у истоков создания ВОЗ. Ху Ши отметил, что Штампар в течение года посетил 16 провинций Китая, повсюду он занимался созданием органов здравоохранения — «среди бесчисленных иностранных специалистов в Китае,

очень мало, а может, и вообще нет людей, которые прилагали бы такие старания» [5, с. 532].

Однако больше всего китайский интеллектуал запомнил обращённые к нему слова иностранца: «Господин, в Китае есть огромная опасность, это самое несправедливое зло, которого не терпят цивилизованные государства во всём мире. В Китае всё правительственное бремя, будь то центральные или местные власти, это [финансовое] бремя полностью лежит на плечах в абсолютном большинстве нищих крестьян, а капиталистический класс не несёт налоговой нагрузки» [5, с. 532]. Получается, что чем меньше у человека денег, тем больше его налоговые обязательства, и наоборот. Штампар откровенно предупредил, что допускающее такую огромную несправедливость государство может развалиться в любой момент.

Ху Ши признал правоту замечаний иностранца, отметив, что китайская система налогообложения глубоко несправедлива. Деньги берут с тех, кто не может сопротивляться. В деревне расплачиваются бедные крестьяне, но не *тухао* и *пешэнь*. В городах компании и банки распределяют прибыль, но при этом не платят налоги. Мыслитель согласился с тем, что в цивилизованном государстве такого быть не может. Поэтому первая мечта в новом году – увидеть перемены в налоговой системе, включая переход от косвенных налогов к прямым, от сосредоточения нагрузки на крестьянах к налогообложению на основании платёжеспособности.

К тому времени гоминьдановское правительство уже обратило внимание на проблему чрезмерного и несправедливого налогообложения крестьян. А.Н. Карнеев отмечает, что власти приступили к практическим действиям по ограничению роста дополнительных налогов с конца 1933 г. «Проблема стала объектом внимания общественности, развернувшей кампанию в печати, которая стала широкомасштабной и продолжалась почти до самого начала Антияпонской войны» [2, с. 253]. В своих новогодних мечтах 1935 г. к этому движению присоединился Ху Ши.

Второе пожелание было основано на ещё одном воспоминании о беседе в поезде — на этот раз со знакомым юристом из Шанхая. Тот рассказал Ху Ши, как вместе с русским другом ходил в только что открывшийся «Гоцзи фаньдянь» (Park Hotel, гостиница открылась в декабре 1934 г.). Построенное в Шанхае на центральной улице Наньцзинлу по проекту венгерского архитектора Ласло Худека 80-метровое здание в стиле ар-деко было по тем временам настоящим небоскрёбом. Однако после его посещения русский не удержался и сказал: «Роскошь и комфорт высочайшего уровня, но это ли нужно

сегодня Китаю больше всего? ... Китай сегодня ещё не решил для народа проблему пропитания, китайским капиталистам не нужно тратить финансовые средства на роскошные дела такого рода» [5, с. 533–534].

Услышав рассказ об этом, Ху Ши ощутил стыд. Как раз во время этого разговора поезд проезжал станцию, где были свалены горы мешков с зерном, которые мокли под дождём. Железнодорожники объяснили, что у них нет достаточного количества вагонов. Ху Ши упрекнул Министерство транспорта в том, что оно устраивает дорогостоящие мероприятия для чиновников, но не тратит деньги на покупку подвижного состава. Соединив первую и вторую мечту, он выразил надежду, что в новом году налоговая и транспортная политика государства будут направлены на решение проблем пропитания людей.

Показательно, что в обоих случаях умеренные реформистские мечтания были привязаны к критическим замечаниям иностранцев. Упреждая критику в адрес своих важных, но при этом весьма приземлённых пожеланий, Ху Ши завершил текст такими словами: «Новогодних мечтаний ещё много! Разумеется, я мечтаю о подлинном единстве страны, о том, чтобы по всей стране покончили с бандитскими налётами, чтобы вся страна в дружном сплочении отвечала на давящий на людей огромный международный кризис, мечтаю, чтобы китайские научные круги добились поразительного прогресса.... Но поезд раскачивается слишком сильно, слишком длинные хорошие сны легко прерываются. Поэтому я могу лишь описать эти две маленькие надежды, представив их как моё новогоднее поздравление читателям Дагунбао» [5, с. 535].

Третий текст был опубликован в газете Дагунбао 3 января 1937 г., когда до начала войны с Японией оставалось чуть более полугода. Статья называлась «Несколько новогодних надежд» (新年的几个期望), о приятных «мечтаниях» (梦想) в напряжённой атмосфере ожидания конфликта с могущественным противником речь уже не шла.

Ху Ши отметил, что прошедший 1936 г. принёс Китаю много тяжёлых испытаний. Но, пройдя через закалку, страна стала более единой, а народ — более сплочённым. Правительство Китая стало жёстче реагировать на давление со стороны Японии. Мыслитель отрицательно оценивал «предательскую» роль Чжан Сюэляна в «сианьском инциденте», однако и в этом случае «несчастье превратилось в счастье» — ведь за 6—7 дней в конце 1936 г. весь мир узнал, что Китай — это настоящее государство, а китайцы — «нация, у которой есть перспектива» [5, с. 743].

Предостерегая от излишнего оптимизма и напоминая о том, что большие надежды ведут к большому разочарованию, Ху Ши сформулировал три пожелания.

Прежде всего, Китаю обязательно нужно переходить к практическому осуществлению конституционного правления (宪政的实行). Постоянные затяжки с выборами и созывом Национальной ассамблеи вызывают у народа разочарование. Ху Ши подчеркнул, что за минувшие годы Китай постепенно пришёл к единству не только благодаря вооружённой силе, внешнее давление и развитие транспорта также способствовали взращиванию центростремительных сил. Если единство страны опирается только на вооружённую силу центрального правительства, то это «неустойчивое» и «ложное» единство. «Сейчас политический вождь (政治领袖) должен понять, что центростремительная сила и единство государства являются привычкой, воспитываемой в течение длительного времени» [5, с. 744].

Ху Ши напомнил, что во времена империи такую привычку выращивали в Китае не только силой армии, но также силой гражданской системы, включая экзаменационное назначение чиновников. В нынешней республике самой большой силой поддержания единства является образование, при этом более всего недостаёт охватывающих всю страну политических институтов. Он признал, что у системы Народной ассамблеи много недостатков, на которые могут указать политологи, однако это будет начало совместного участия народных избранников в работе государственной власти. По мнению либерального мыслителя, введение выборов депутатов ассамблеи и будущего парламента положит начало новой политической системе, которая станет поддерживать центростремительную силу и воспитывать политическую привычку к единству.

Вторая надежда связана с тем, что Чан Кайши будет стараться стать вождём «конституционно управляемого Китая» (宪政的中国). Ху Ши подчеркнул, что в последние годы из-за военных проблем и серьёзных внешних тревог в Китае постепенно забыли об опасениях, которые существовали в начальный период создания республики в отношении слишком сильной исполнительной власти. Мыслитель признал за Чан Кайши недюжинную энергию и способности, отметив, что созданная им система отчасти демонстрирует эффективность. Всё это влияет на людей, поэтому в стране постепенно сформировалась «психология веры в вождя». Во время «сианьского инцидента» по всей стране люди беспокоились о судьбе Чан Кайши и радовались его избавлению от опасности, и в этом также проявилась психология веры в вождя. Однако события в Сиани также показали,

что действующая политическая система слишком полагается на вождя, по мнению Ху Ши, это не может быть долгосрочным планом политического развития.

Мыслитель отметил, что в Китае один человек определяет все военные планы, политический курс и внешнеполитическую стратегию, вплоть до частных конкретных мероприятий, таких как Движение за новую жизнь. Но когда всё сосредоточено вокруг одного человека, «это не путь осуществления политики» (不是为政之道). Таких всезнающих всемогущих вождей в мире нет, и даже самые лучшие лидеры не должны тратить все силы и разум на то, чтобы каждый день самостоятельно решать множество дел.

Чтобы подтвердить правоту своих рассуждений, Ху Ши обратился к китайской традиции. Он напомнил «древнее поучение китайской политологии» (中国政治学的古训) из «Исторических записок» Сыма Цяня — «за судебные дела отвечает глава судебного приказа, за деньги и зерно отвечает глава ведомства зерна и финансов» (決狱责廷尉,钱谷责治粟内史) [5, с. 745].

Эта фраза восходит к содержащемуся в гл. 56 Ши изи рассказу о том, как император безуспешно пытался получить от высокопоставленного сановника ответы на конкретные вопросы о количестве судебных дел, денежной эмиссии, производстве и продаже зерна. Возникла напряжённая ситуация - и тут императорский советник по имени Чэнь Пин сказал, что эти вопросы надо задавать чиновникам более низкого ранга, которые отвечают за судебные дела и сбор зерновых. На вопрос о том, за какие дела отвечает в таком случае сам советник, Чэнь Пин дал такой ответ: «Я руковожу всеми чиновниками. Вы, Ваше величество, очевидно, не знали, насколько я бездарен и поставили меня изайсяном (первым министром). А в обязанности изайсяна входит помогать Сыну Неба упорядочивать действие природных сил инь и ян, чтобы все дела соответствовали четырём сезонам, чтобы выявлялись необходимые свойства всего сущего на земле, чтобы были подчинены все страны, все варвары в четырёх сторонах света, все чжухоу, а внутри страны — были покорны Вам все байсины; чтобы заставить каждого циндафу исполнять свои обязанности» (пер. Р.В. Вяткина; см. [4, с. 234]).

Ху Ши хотел, чтобы Чан Кайши последовал древнему наставлению и передал часть своих полномочий чиновному аппарату. Однако попытка привести дополнительный аргумент со ссылкой на иностранный опыт выглядела неубедительно. Ху Ши заявил, что современные диктаторы, такие как Гитлер, Муссолини и Сталин, не занимаются мелкой повседневной политикой (庶政), и потому в свободное время могут читать книги и размышлять. «Сталин более

всех скрывается и не показывается на людях, не встречается с гостями, не выступает с речами. В прошлом месяце Сталин выступил с речью, газеты писали, что это его вторая речь с момента прихода к власти» [5, с. 745]. Ху Ши одобрил такое поведение как проявление глубокого понимания политического действия.

Можно предположить, что речь идёт о докладе советского лидера о проекте конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов 25 ноября 1936 г. Вместе с тем за время пребывания Сталина у власти это публичное выступление явно не было вторым по счёту, фактическая обоснованность рассуждений Ху Ши вызывает сомнения. Более того, проблема постоянной личной включённости вождя в решение многочисленных вопросов была в полной мере присуща советской системе тех лет.

Однако Ху Ши интересовало не реальное положение дел в СССР, а перспектива политических трансформаций в Китае. Он выразил надежду, что «сианьский инцидент» заставит Чан Кайши понять, что он более не должен вести себя как вождь, который решает «десять тысяч мелких дел каждый день». Такими методами управлять государством нельзя. Ему следует подобрать ответственные кадры, передать им часть дел, чётко определить пределы своих полномочий и в качестве вождя координировать общую ситуацию в стране.

Хотя Ху Ши указал на пример Сталина, речь вовсе не шла о копировании советской системы. Напротив, мыслитель призывал к введению в Китае конституционного правления, которое, по словам Ху Ши, не может ограничиваться провозглашением основного закона и внесением соответствующих изменений в названия правительственных структур. «Конституционное правление – это правление на основании закона (宪政就是法治)» [5, с. 745]. Успех конституционного правления следует готовить путём воспитания привычки правления по закону, а тут обязательно необходим пример вождя, который должен всегда ставить себя в рамки конституции, а не вне этих рамок. Тут мыслитель сослался на свежую иностранную новость об отречении от британского престола в декабре 1936 г. Эдуарда VIII из-за брака с разведённой американкой. По словам Ху Ши, это произошло не потому, что монарх «не любил страну, а любил красивую женщину», а потому, что он не любил почёт и любил конституцию.

Дух конституции состоит в том, чтобы создавать законы и ограничивать ими самого себя. Ху Ши подчеркнул, что вождю нужно ограничивать самого себя не только в плохих делах, но и в том, чтобы не делать хорошие дела, которые выходят за пределы определённых законом должностных полномочий. В обоснование этой идеи он вновь

обратился к китайской классике, процитировав слова из *Хуайнаньцзы*: «Внимательно относиться к добру, также внимательно относиться к жестокости» (重为善, 若重为暴). Эту мысль он пытался довести до Чан Кайши ещё во время их первой личной встречи в ноябре 1932 г. в Ухани. В тот раз Ху Ши подарил ему книгу *Хуайнань ваншу* ради того, чтобы лидер Гоминьдана запомнил эту мудрость.

Вторая цитата была взята из *Чжуан-цзы*: «Если повар не приготовил кушанья, Покойник и жрец не станут его заменять и подносить чаши с жертвенными яствами (庖人虽不治庖,尸祝不越樽俎而代之矣)» [пер. Л.Д. Позднеевой; 3, с. 125]. Эта фраза указывает на необходимость чёткого определения и соблюдения обязанностей в соответствии с установленными правилами. Ху Ши заметил, что даже если жрецы могут приготовить яства лучше повара, они не будут этого делать, чтобы не нарушать установления. Вместе с призывом *Хуайнань-цзы* не относиться легкомысленно ни к добрым, ни к злым делам, «эти две фразы лучше всего могут описать дух правового правления (法治)» [5, с. 745].

Ху Ши выразил надежду, что Чан Кайши поймёт важность своего положения, и как до принятия конституции, так и после её вступления в силу будет выступать как вождь государства, осуществляющего правовое правление. Для этого ему нужно чётко понять правовые ограничения, связанные с занимаемой должностью, и ни в коей мере не пытаться «подносить жертвенные яства вместо повара». Лишь тогда в стране все будут чётко выполнять свои обязанности, служить своему делу [5, с. 746].

Третье новогоднее пожелание Ху Ши призывало власти к восстановлению контроля и суверенитета в северных районах страны, где японские военные развернули работу по созданию автономных провинций, управляемых лояльными местными политиками.

Эта эволюция взглядов даёт представление о том, как сильно поменялись настроения китайской интеллигенции в период 1933—1937 гг. Прекрасные «мечты» и расплывчатые «сны» о будущем развеялись под давлением суровой реальности. Вместе с тем главная мечта о власти закона и создании демократических институтов присутствует во всех трёх текстах Ху Ши, посвящённых будущему Китая.

Литература

1. Гулева М.А. Вэн Вэньхао: глава Исполнительного юаня // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР. Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 16–18 октября 2013 г. М., ИДВ РАН, 2013. С. 333–335

- 2. История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. VII: Китайская республика (1912–1949). Отв. ред. Н.Л. Мамаева; ИДВ РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2013.
- 3. Мудрецы Китая: Ян Чжу, Ле Цзы, Чжуанцзы. Пер. с кит. Л.Д. Поздневой. СПб.: «Петербург XXI век» совместно с ТОО «Лань», 1994.
- 4. *Сыма Цянь*. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VI. Пер. с кит., предисл. и коммент. *Р.В. Вяткина*. М.: Наука, «Восточная литература», 1992.
- 5. Ху Ши вэньцзи (Собрание сочинений Ху Ши). Ред. *Оуян Чэкэшэн*. Т. 11. Ху Ши шилунь цзи (Собрание публицистики Ху Ши). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. 1998.
- 6. Ху Ши лай ван шу синь сюань. Ся цэ (Избранная переписка Ху Ши. Т. 3). Сост.: Группа истории Китайской республики Института новейшей истории АОН Китая. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1980.
- 7. *Чжи Сяоминь*. Ху Ши дэ Чжунгомэн (Китайская мечта Ху Ши). Опубликовано в Интернете 14 апр. 2013. URL: http://zhixiaomin.i.sohu.com/blog/view/260893073.htm
- 8. *Чжи Сяоминь*. Ху Ши хэ та дэ пэнъюмэнь (Ху Ши и его друзья). Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2010.